

# ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ГЕРЦЕН (МОНО)

## ПИСЬМА ОЛЬГИ ГЕРЦЕН ОГАРЕВУ

Статья и публикация С.П. Г и ж д е у и И.А. Ж е л в а к о в о й \*

Из всех старших детей Герцена судьба Ольги складывалась поначалу, пожалуй, наиболее неблагоприятно. Она совсем не помнила матери (умершей, когда ребенку было всего полтора года) и неустроенность семейной жизни Герцена, от которой мучительно страдали все члены семьи, с особенной болью отразилась в сознании Ольги, лишенной материнской заботы. Сильнее всего она привязалась к Мальвиге Мейзенбург, когда та вошла в семью Герцена (1853), и тяжелее всех пережила ее временный уход в 1856 г. – после приезда Огаревых. Н.А. Тучкова-Огарева не смогла заменить детям Герцена мать. Особенно болезненно сложились ее отношения с Ольгой. Тереза Пульская, довольно близко в эти годы наблюдавшая жизнь семьи, отметила в своем дневнике “дикость бедной маленькой Ольги”, “бедную маленькую, брошенную Ольгу”<sup>1</sup>.

В конце концов, полностью отданная Герценом на попечение Мейзенбург, Ольга обрела подобие семьи, но ценой постепенного отдаления от отца. С Ольгой, после их отъезда в 1862 г. с Мейзенбург в Италию, Герцен встречался не часто и не подолгу. Тем не менее он никогда не переставал заботиться о ее воспитании и образовании; правда, нередко он вынужден был ограничиваться указаниями и советами в письмах к Мейзенбург и к ней самой. Известно, что попытки Герцена объединить семью и определить Ольгу в какое-либо учебное заведение не привели ни к чему, и вплоть до самого замужества (6 марта 1873 г.) Ольга оставалась с Мейзенбург.

Со своим мужем Г. Моно Ольга впервые встретилась в 1866 г. во Флоренции, куда тот приехал отдохнуть после окончания высшего учебного заведения. В январе 1866 г. Моно познакомился с А.А. Герценом, а тот, в свою очередь, познакомил его с Мейзенбург и Ольгой. И через год – Ольге было только семнадцать лет – она стала невестой Моно.

Герцен узнал Моно в том же 1866 г. как одного из участников кружка молодых людей, куда входил и Саша. В этом кружке возник план издания “позитивно-физикального”, по характеристике Герцена, журнала (XXIX, 118). Герцен не только положительно отнесся к этому плану, но и собирался принять участие в задуманном органе. Издание это не состоялось; не реализован был возникший тогда же план выпуска в свет “Колокола” на французском языке при участии Моно.

Поначалу у Герцена сложилось о Моно самое благоприятное мнение: “благороднейший человек”, “человек очень дельный, умный и образованный” (XXIX, 124). Но вскоре он заметил в нем черты консерватизма, которому, разумеется, не сочувствовал. О помолвке Ольги с Моно Герцен не знал, но догадывался о возможности этого брака и не хотел его: “Он(Моно) – вовсе ей (Ольге) не пара – и будет умный, честный консерватор” (XXIX, 212). Незадолго до смерти, после свидания с Моно, Герцен писал Мейзенбург: “Я видел Моно – он славный человек, но, поверьте, он доктринер и консерватор... *то, что было в зародыше, – пускает ростки.* Это не мешает ему быть, как я сказал, очень славным человеком” (XXX, 211). Здесь, в Париже, после того как туда приехала Ольга с Мейзенбург, Герцен понял, что брак Ольги и Моно, по всей вероятности, совершится: “Ольге не миновать Monod, – писал он сыну 13 декабря 1869 г. – Впрочем, после последнего несчастья<sup>2</sup> я всем даю свободу, хотя искреннее жалею, что все пойдут вразброд и не в Россию” (XXX, 281).

Характеристика, которую давала Тата Герцен будущему мужу сестры, близка к герценовской. В письме к М.К. Рейхель от 14 июня 1872 г. Тата рассказывала: “Я буду присутствовать при встрече Ольги и Мальвиды с матерью Моно и помогать им не уступать, если этим фанатическим протестантам вздумается делать глупые требования как, например, брак в церкви, крещение детей и т.д. Ольга не должна уступать. Я думаю, что она будет

\* Письма перевели: с немецкого – С.П. Г и ж д е у, с французского – И.А. Ж е л в а к о в а, Е.В. М о р о з о в а и Л.Р. Л а н с к и й (п. 7).

счастлива с этим молодым человеком, у него чрезвычайно кроткий, любящий характер. В мнениях он, по-моему, недостаточно красен, но Ольга равнодушна к этому”<sup>3</sup>.

Моно происходил из протестантской семьи (дядя его Ф.-Ж. Моно был крупным деятелем французской реформатской церкви), но сам он рано отошел от всякой церковности. Любимый ученик Ж. Мишле, он придерживался умеренно-консервативных взглядов, однако показательно, что позднее, в пору “дела Дрейфуса”, расколовшего всю Францию на два лагеря: “антидрейфусаров” – клерикалов, националистов, реакционеров – и “дрейфусаров” – людей свободомыслящих и прогрессивно настроенных, Моно оказался среди последних. Он стал крупным ученым-историком, многие годы преподавал в Высшей нормальной школе и в Сорбонне, был автором ряда трудов по историографии и истории средневековой Франции, одним из издателей известного научного журнала “Revue Historique”.

В приведенном выше письме Таты к М.К. Рейхель любопытна не только характеристика Моно, но и упоминание о том, что Ольге безразличны общественно-политические взгляды ее будущего мужа. Действительно, Ольга, в общем, была далека от общественных интересов. Став женой и матерью, она замкнулась в кругу семьи – все, что не касалось ее мужа, детей, а затем внуков, как видно, мало ее волновало. В одном из писем Мейзенбуг цитируются слова Ольги из письма к ней: “Я чувствую, с каждым днем я все больше становлюсь твоим ребенком, твоим созданием. Вероятно, я могла бы стать чем-то другим, больше дочерью своего отца, но я хочу быть твоей дочерью, женой, матерью в высшем, идеальном смысле слова, и по моим детям будут судить о том, какова была их мать” (из письма к приятельнице Мейзенбуг – А. фон Штейн-Ребеккини от 3 июня 1877 г.<sup>4</sup>). Таким образом, уход в семью, в семейную жизнь, как видно из публикуемых писем, был для Ольги актом сознательного и убежденного выбора.

Счастливым брак Ольги должна была признать и не любившая ее Тучкова-Огарева, говорившая о “честной натуре Моно”. В письме к Лизе, бывшей во Флоренции у Саши, она писала, стараясь быть объективной: “Я рада, что ты хорошо встретила с Мальвидой, – у меня нет энергии ненависти, да и за что? Но Моно, желаю, чтобы ты с нею, с Мейзенбуг, не бранила, это уже нечестно с ее стороны, он всегда был тот же, и прежде она его считала за идеал и весь роман его с Ольгой сама написала. Верь мне, Лиза, если когда-нибудь ты будешь так счастлива как Ольга, я не буду видеть дурное в человеке, который составляет твоё счастье...”<sup>5</sup>

Тата, жившая летом 1875 г. вместе с семьей Моно, писала Рейхель: “Ольгины дети приятны, она отличная мать, дети почти что слишком поглощают все ее внимание”<sup>6</sup>.

Однако жизненная позиция Ольги вовсе не значила, что она превратилась, как считала Тучкова-Огарева, всего лишь в “милую самодовольную куклу”<sup>7</sup>, что ей безразлично все, относящееся к отцу, что она не хочет знаться с его друзьями. Ольга оставалась связанной с братом и сестрой, а также с Огаревым – как видно из публикуемых ниже писем. Огарев никогда не оставлял надежду на “деятельную жизнь” Ольги, верил, что из ребячливой и рассеянной она превратится в саму “серьезность”. И Ольга, еще не обремененная семейными заботами, в какой-то мере не чуждалась в юные годы научных и даже общественных интересов (посещала лекции Г. Шиффа, интересовалась деятельностью Дж. Гарибальди). Сразу же после смерти отца она попробовала всерьез взяться за русский язык, помня, конечно, какое большое значение он придавал этой стороне ее воспитания. Тата писала Рейхель об Ольге из Флоренции 9–12 января 1873 г.: “Сначала мы были очень много вместе, правильно занимались, т.е. читали по-русски целый час ежедневно (Гавриил Эдуардович<sup>8</sup> очень желает, чтобы Ольга выучилась)”<sup>9</sup>.

Занятия русским языком, очевидно, прекратились после рождения детей. Однако ощущение внутренней связи с отцом для Ольги имело несомненное значение. Е.С. Некрасова, собиравшая материалы о Герцене и Огареве для Румянцевского музея, во время своего пребывания в Париже в 1893 г. встретила с Ольгой у Таты; при общем разговоре Ольга старалась подчеркнуть, что в ее детях сходство с покойными родителями выказалось сильнее, чем в детях брата, – у брата все дети итальянцы, ни у кого нет сходства с русскими<sup>10</sup>.

Старший сын Ольги Александровны Эдуард официально присоединил к своей фамилии фамилию деда. “Моя мать была страстно привязана к своему отцу, именно она научила меня страстно любить вашу милую родину”, – писал Моно-Герцен из Парижа в Москву в конце 1950-х годов<sup>11</sup>.

В следовании своим жизненным принципам Ольга была последовательна и тверда – и в этом сказалась ее характер, который, как считала Мейзенбуг, она унаследовала от отца.

Немалую роль в жизни Ольги сыграли ее многолетние дружеские отношения с Огаревым, беззаветно любившим детей своего друга. Как и Герцен, он остро осознавал

опасность отлучения Ольги от русской традиции и делал все возможное, чтобы вовлечь ее в круг общественных и творческих интересов демократической России. Отцовская привязанность “папы Аги” к дочери друга, его деятельное участие в нелегкой судьбе Ольги – девочки и подростка – не остались безответными и нашли в ней сердечный отклик. Свидетельство тому – их сохранившаяся переписка.

Публикуемые письма дочери Герцена к Огареву охватывают десять лет. Два из них написаны Ольгой-ребенком по-русски, остальные по-немецки и по-французски. Шесть писалось еще при жизни ее отца, к ним примыкает письмо, посланное Ольгой адресату после кончины Герцена (оно было опубликовано Л.Р. Ланским<sup>11</sup> и в настоящей публикации повторяется). Завершают публикацию четыре письма, связанных с замужеством Ольги<sup>12</sup>.

При всей своей скромности, публикуемые письма дочери Герцена достаточно точно отражают основные моменты ее жизни – ребенка, подростка, задумывающегося над своим будущим, а затем невесты, жены, матери, гордой новым положением и не устающей делиться подробностями своего счастья с близкими ей людьми и прежде всего с другом отца и ее другом – Огаревым.

Письма, кроме п. 1 (впервые напечатанного М. М е р в о в *LOAHf* 317–318 по автографу *BN*), публикуются по автографам “пражской коллекции” (*РГАЛИ*, ф. 2197, оп. 1, ед.хр. 459, п. 2–11).

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> “Лит. наследство”, т. 64, с. 422.

<sup>2</sup> Герцен имеет в виду болезнь своей старшей дочери, Таты, в результате преследования ее слепым сицилийцем Пеннизи, добивавшимся ее руки. См. об этом в пред. публикациях.

<sup>3</sup> *РГБ*, ф. 69. 24. 18, л. 16.

<sup>4</sup> “Briefe an und von M. Meysenbug”. Herausgegeben von Bertha Schneider. В., 1920. S. 57.

<sup>5</sup> *РГАЛИ*, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 166, л. 14; письмо от 22 сентября 1874 г.

<sup>6</sup> *РГБ*, ф. 69. 24. 20.

<sup>7</sup> *АО*, 173.

<sup>8</sup> Так Тата шутливо называет на русский лад Габриеля Моно, подобно тому как Герцен называл Мейзенбург *Мальвидой Филиппьевной*.

<sup>9</sup> *РГБ*, ф. 69. 24. 19.

<sup>10</sup> Там же, ф. 196. 7. 19.

<sup>11</sup> Письмо к Л.Р. Ланскому от 2 мая 1958 г. (*ГЛМ*, ф 22, оп. 1, ед. хр. 46).

<sup>12</sup> “Лит. наследство”, т. 63, с. 530–531 (обзор «Отклики на смерть Герцена по материалам иностранной печати и “пражской коллекции”»).

#### 1

### ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

(Рим. Апрель. 1863 г.)<sup>1</sup>

Мой Милый Ага,

Я не хочу быть больше музыканкой хочу писать как Папа в *Колоколе*. Ну зачем ты мне так долго не писал? Мне права Рим, очень нравится, как не любить города с такими богатствами. Я бы хотела чтобы Папа нас еще аставил три месяца и потом бы желала чтобы мы возвратились в Лондон и потом через год чтобы он поехал с нами в Италию, но с тобой и Натали с Лизе, но конешна Туту<sup>2</sup> с Саше. Я хочу описать тебе наше устройство дня: Я встаю всегда первая в шесть, Тата в семь, Жоржина в 3/4 осмава и Малвида в восемь. В двенадцать Фрикен приходит за нами и мы идем ланширывать<sup>2\*</sup> после это мы идем осмотрет разны штуки. В шесть обедам, до семи, в девять лажусь спать \* ..... \* ..... \* ..... \* ..... \* ..... Я права не знаю что мне больше нравится до сих пор я думаю Sant Pietro и Колизей сих пор. Ты не знаешь что я могу немношко парларе италиано<sup>3\*</sup>, и я могу сама идти в лавку и сирость что нужно. Тата должнабы рисавать крестиана молодая с белом платкомми на голова и угольной и краснами юбками. Вот Милый Ага цветочки о Рима. Ну Милый Ага Я хачу тебе сказать моя секрет, это что я бы хотела возвоцца у меня

<sup>2\*</sup> завтракать (от *франц.* luncher).

<sup>3\*</sup> говорить по-итальянски (*итал.* parlare italiano).



ОЛЬГА ГЕРЦЕН

Фотография. Флоренция, (апрель 1869 г.)

Исторический музей, Москва

как говорить германки heim ve<sup>4\*</sup>, но не скажи некто. Что делает моя Лиза и Моя милая девочка и твой малчик<sup>3?</sup> Скажи Торжевским чтоб он обнял Тугушка 1 003 раза за меня. Ну Прощай Милый Ага твоя, Ольга Г е р ц е н. Милый Папа здевтой и Прощай Милейший Папа в миреа.

О.Н.

<sup>1</sup> Приблизительная дата устанавливается по связи с письмами Таты к Герцену от 6,7 и 13 апреля 1863 г. (см. выше). Ольга упоминает здесь о намерении сестры нарисовать молодую итальянскую крестьянку. О начале работы над портретом крестьянки Стеллы Тата известила отца в письме от 7 мая (сестры приехали в Рим 24 марта).

<sup>2</sup> Туту – собачка Ольги.

<sup>3</sup> Речь идет о близнецах Леле-бое и Леле-гёрл.

2

(Рим.) 24 а(преля?) 1864

Милый Ага,

Зачем ты мне никогда не пишешь. Я сделал тебе маленькую композицию, но только Тоника, унтер-доминанте унд обер-доминанте<sup>1</sup>.

Здесь Блондин<sup>2</sup>, я его в первый раз видела как он человека переносил и как он в мешке ходил по веревке, но я не боюсь за него, потому что он не может упасть.

Милый Ага, я бы хотела возвратиться в Англию на лето, а зимой возвратиться в Италию, потому что здесь лучше жить и хорошие уроки и мои друзья Ерсилия, Жюлия и Манфред етс. Манфред учится по-латынски, и я тоже так бы хотела тоже учиться, пожалуйста, спроси Папу, позволит ли он мне учиться.

<sup>4\*</sup> тоска по родине (нем. Heimweh).

Вчера я была у доктора Ергарта с Мали<sup>3</sup>, потому что я не слыхала, я была глуха одним ухом, и он мне вычистил ухо и сделал операцию без крови и дал материю для головной боли, и теперь я могу слыхать и голова не болит.

Прощай, мой милый Ага, завтра пишу к Натали. Твоя О л ь г а, поцалуй Лизу, 100 000 за мною.

<sup>1</sup> *Унтердоминанта* и *обердоминанта* – устаревшие наименования главных аккордов тональности – субдоминанты и доминанты. Построение этих трех аккордов отличается простотой.

<sup>2</sup> *Блондин* (Блонцен) – французский акробат.

<sup>3</sup> *Мали* – Мальвида Мейзенбург.

## 3

Перевод с немецкого:

(Рим. Апрель – начало мая 1865 г.)<sup>1</sup>

Мой дорогой Ага,

Итак, мы скоро снова увидимся и будем жить вместе, это нас очень радует. Но если мы как-нибудь снова вернемся в Рим, ты должен будешь отправиться с нами, здесь так хорошо.

Я очень стараюсь рассказать тебе что-нибудь интересное; у меня сейчас милые этюды Штефана Хеллера и вторая тетрадь Черни и пьесы Шульхоффа. По теории я не очень продвинулась, потому что Ренкильде приходит всего один раз.

Дорогой Ага, я решила быть в очень хороших отношениях с Лизой, но она тоже должна быть хороша со мной? Все говорят, что она очень мила, и мы все на это надеемся.

Как ты поживаешь, дорогой Ага, надеюсь, что хорошо.

Нам бы хотелось всем отсюда уехать, становится слишком жарко, скажи Папе, чтобы он нас поскорее увез.

Пожалуйста, давай мне в Женеве уроки по теории<sup>2</sup>, хорошо?

До свидания, у меня нет времени.

Твой друг Ольга Герцен

<sup>1</sup> Судя по содержанию письма, оно написано незадолго до переезда, в конце мая, Мейзенбург с Татой и Ольгой из Рима (через Флоренцию), в Женеву, где собрались к тому времени Огарев, Герцен и Н.А. Тучкова-Огарева с Лизой.

<sup>2</sup> Имеется в виду теория музыки.

## 4

Перевод с немецкого:

Фано. 22 октября 1867 г.

Мой добрый дорогой Ага,

Вот теперь снова прошло лето, и мы не повидались. Мне так жаль, что ты не был с нами в Венеции. Мы могли бы вместе так наслаждаться. Уверяю тебя, что я никогда еще так не наслаждалась летом. На всю мою жизнь это останется прекраснейшим местом в мире, и мои самые сладостные мысли будут связаны с ним. Как жаль было покидать такое божественное место. Мы теперь тоскуем о нем. Мы чувствуем это вдвойне, вероятно, оттого, что после роскоши мы узнали бедность. Теперь мы в совсем маленьком местечке, где можно наслаждаться только морским воздухом. Одна лишь работа составляет здесь все наше удовольствие.

В Фано нет ничего примечательного, это очень маленький рыбацкий поселок. Если бы нам предстояло оставаться здесь надолго, то следовало бы основать здесь школу для немногих детей, которые бегают здесь, ничем не занятые. Как много добра можно было бы делать здесь именно бедным. Люди здесь в большинстве ничем не заняты, тут совсем мало торговли, кафе заполнены с утра до вечера.

Через восемь дней мы вернемся во Флоренцию. Я очень рада буду вновь приступить к своим занятиям. В музыке я, конечно, очень отстала, потому что в Венеции почти совсем не играла. Но я *пела* у Панофки. Он утверждает, что после года серьезных занятий я могла бы стать хорошей певицей. Эту зиму он проведет во Флоренции.

Мали хочет, чтоб я снова брала у него уроки. Как ты поживаешь, дорогой Ага? Ты совсем ничего о себе не сообщаем. Видел ли ты во время конгресса Гарибальди? Газеты пишут, что конгресс плохо удался, правда ли это?<sup>1</sup>

С любовью обнимаю тебя и надеюсь скоро тебя увидеть.

Любящая тебя всегда

твоя О л ь г а

Сердечный привет (1 *нрзб*).

Известно ли тебе что-нибудь новенькое о Линде?

<sup>1</sup> В сентябре 1867 г. в Женеве состоялся Конгресс Лиги мира и свободы. Герцен на этот Конгресс не поехал. 16 сентября он писал Огареву: "Конгресс провалился – и это можно было предвидеть по неопределенности и разношерстности" (XXIX, 200).

5

Перевод с французского:

26.2.68. Флоренция

Мой любимый Ага,

Печальное известие, которое сообщил нам Папа, глубоко меня огорчило<sup>1</sup>. Этот случай мне показывает, как я тебя люблю и как мне тяжело знать, что ты страдаешь. Боже мой! Почему же только хорошие люди должны страдать? Есть столько дурных, которые этого заслуживают, но нет! как раз они-то и ограждены, а люди, которые хотят лишь блага для всех, люди, для которых труд – высшее счастье, должны страдать. Насколько мир еще несовершенен! Как мне хотелось бы быть рядом с тобой, ухаживать за тобой, угождать малейшим твоим желаниям! Ты ведь знаешь, что единственное мое стремление – стать сиделкой. Я так любила бы моих пациентов и так была бы любима ими. Папа пишет, что ты должен будешь пролежать месяца два; два месяца проходят быстро; разве не прошли быстро те два года, что мы не виделись? Но когда страдаешь, как ты, то кажется, что время еле-еле движется.

Попроси Тхор(жевского) от меня, чтобы он хорошенько за тобой ухаживал.

Я только что кончила с Мальвидой читать книгу Ренана о жизни Иисуса<sup>2</sup>. Как могли не любить такого человека; как трогательна его кончина, какой великий человек; а ведь он не думал, что его смерть и его последние слова будут воздействовать на людей более 1800 лет! Евреи тоже не думали, что за распятие одного человека их будут ненавидеть в течение веков. Хотелось бы мне знать, не будут ли нас тоже за что-нибудь ненавидеть через 1000 лет? Например, те, кто выступает теперь за папство. Но оставим будущее. Подумаем о настоящем.

Целую тебя от всей души, мой горячо любимый Ага, поверь мне, что для меня самым большим удовольствием и счастьем было бы быть возле тебя.

Преданная тебе Ольга Г.

<sup>1</sup> В ночь с 19 на 20 февраля в результате несчастного случая Огарев сломал себе ногу. Впервые Герцен сообщил об этом в письмах Н.А. Тучковой-Огаревой (см. XXIX, 281) и М. Мейзенбург от 23 февраля 1868 г. Последнее письмо и упоминается Ольгой.

<sup>2</sup> Чтение Ольгой известной книги Э. Ренана "Жизнь Иисуса", предложенное Мейзенбург, Герцен не одобрял (см. XXIX, 299, 305, 313).

Перевод с немецкого:

23 (февраля), вторник, 1869 г. Флоренция

Мой дорогой Ага,

Твое письмо доставило мне много радости! Ты, действительно, либишь меня так, как ты мне пишешь? Думаешь ли ты, что тебе не будет слишком трудно поехать на озеро Комо или на Луганское озеро? По желанию Папаши все там встретятся. Кто знает, согласится ли Папаша, чтобы я сюда вернулась следующей зимой? Меня это очень огорчило бы, я веду здесь деятельную жизнь, я никогда не выхожу из дома без разумной цели; если я вообще выхожу, то всегда только для того, чтоб узнать что-нибудь новое. Например, каждый четверг мы ходим к Шиффам – сам Шифф читает нам лекции. В последний раз он говорил о гибели мира, с научной точки зрения, в результате постепенного превращения всех видов движения в теплоту. Каждую среду я хожу к госпоже Лоссо в певческий кружок, где поется чудесная музыка будущего<sup>1</sup>.

Каждую субботу к нам приходят Герцены, и мы тоже занимаемся чем-нибудь серьезным. Остальные вечера мы спокойно сидим дома или выходим всей семьей. На балы или в театр – Боже упаси! Теперь даются общедоступные концерты, но Флоренция в этом отношении еще очень отстала. Как раз сейчас я играю гавот Баха – я нахожу его бесконечно прекрасным – и наряду с этим музыку Вагнера из “Мейстерзингеров” – ничего лучшего пожелать нельзя. Панофка должен приехать в конце этого месяца – мне очень жаль, если я не смогу воспользоваться этим, но у нас нет денег. Панофка сказал, что из меня вышел бы толк.

Перевод с французского:

Кстати, дорогой Ага, не будешь ли ты так любезен прислать мне “Элементарный курс гармонии, практической и теоретической для игры на фортепиано” Пьера и Вольфа. Существуют три книги. У меня есть первая, и, таким образом, мне надо достать две последние – 2-ую, гармония с модуляциями – и 3-ю, гармония и модуляции, прелюдии, аккомпанемент к мелодии и т.п., и т.п. ... Прости, что обременяю тебя этим поручением, но эту книгу возможно найти только в Женеве<sup>2</sup>.

Прощай мой дорогой Ага, нежно обнимаю тебя от всего сердца, любящая тебя,  
твой друг О л ь г а.

Тысяча поцелуев Тутсу, я хочу написать ему в один из ближайших дней – мои наилучшие пожелания (1 нрзб.) – ждем с нетерпением Пана!

<sup>1</sup> Так в то время обычно называли музыку Вагнера.

<sup>2</sup> Ноты вскоре присланы. См. с. 670.

Перевод с французского:

(Париж. 27(?) января 1870 г.)

Дорогой, горячо любимый Ага! Сколько событий может произойти за шесть дней!! Кто мог бы подумать, когда мы покидали Италию, что идем навстречу папиной смерти.

Для меня это страшный удар, для меня, никогда не видевшей смерти, – я с трудом понимаю, что со мною случилось. Никак не могу привыкнуть к отсутствию отца. Уверяю тебя, что я всегда считала его бессмертным. Мне остается лишь крепко обнять тебя – ты знаешь, что я люблю тебя так сильно, как если бы ты был моим отцом. Прощай. Люблю тебя. Твоя О л ь г а

## Перевод с французского:

(Париж. Апрель 1873 г.)<sup>1</sup>

Дражайший мой Ага,

Пользуюсь случаем, чтобы послать тебе весточку и подтвердить свою любовь. Мы так часто говорим о тебе – дорогой, дорогой Ага.

Напиши нам в нескольких словах, что тебя порадовала наша женитьба.

Вот уже месяц как мы в Париже – улица Assas, 76 в прелестной солнечной квартире с великолепным видом на Люксембургский сад. Мы очень счастливы. Габриель много работает. Я всерьез занимаюсь моим маленьким хозяйством, в котором все идет, как по маслу.

Мы тебя очень нежно целуем.

Твои дети О л ь г а и Г а б р и е л ь, которые тебя очень любят.

<sup>1</sup> Дата, указанная неизвестной рукой, подтверждается сообщением о замужестве Ольги. Ее свадьба с Г. Моно состоялась 6 марта 1873 г.

## Перевод с французского:

(Париж.) 6 июня 1873 г. улица Assas, 76

Мой дорогой и любимый Ага,

Настоящим сюрпризом для меня было получить в воскресенье твое письмо. Оно доставило мне огромное удовольствие, я только сожалею, что ты теряешь свое драгоценное время на этот глупый процесс<sup>1</sup>. И меня еще очень огорчает то, что ты снова болен. Впрочем, время столь безумно, что весь мир в той или иной степени болен. Надеюсь, что Лизин нарыв не вызовет тяжелых осложнений. Я рада, что наконец-то получила от них известия. Я написала Натали из Ниццы и не получила никакого ответа. Тата тоже не смогла бы мне всего сообщить, так как и она тоже ничего не получала. Возможно, Натали сердится на меня – ничего не понимаю. Лиза могла бы найти свободную минутку, чтобы написать мне несколько строк. Прошу тебя, будь так любезен и передай это письмецо Лизе. Да, дорогой Ага, я думаю, что именно мы пошлем тебе всю (сумму), незачем отправлять ее сначала в Италию, ибо твое местопребывание ближе всего к нам. Я сделаю все возможное, чтобы ты регулярно все получал. Через 6 недель у Габриеля будут каникулы, и мы поедем сначала на несколько недель в Гавр, затем отправимся повидать Мальвиду и Тату в Германию или в Швейцарию. Я был предпочла Швейцарию, потому что тогда я смогла бы увидеть и обнять тебя<sup>2</sup>.

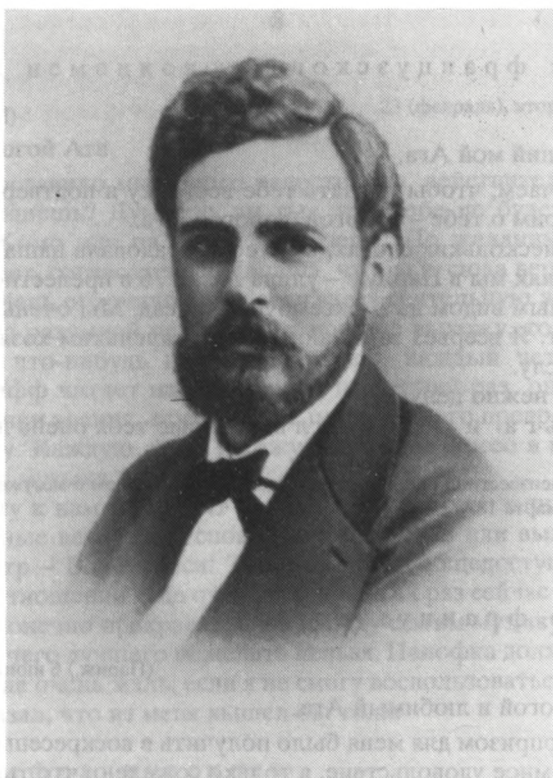
Итак, до свидания, до скорой встречи, не забывай меня,

преданная тебе О л ь г а

Привет Мери и Генри, сердечные пожелания от моего мужа.

<sup>1</sup> Речь идет о судебном процессе по взысканию с Огарева денег по векселю Н. И. Сазонова (см. письмо Огарева А.А. Герцену от 17 мая в кн. 1-й наст. тома). Отметим также письмо Моно к Огареву от 3 ноября 1873 г., в котором он просит извинения за задержку с присылкой очередного "пособия". В заключении своего письма Моно писал: "Ольга чувствует себя очень хорошо, она рассчитывает написать вам снова и посылает вам тысячу нежных дружеских слов. Сердечно любящий вас Г. М о н о" (там же).





ГАБРИЭЛЬ МОНО

Фотография, 1873

Из книги: Malvida Meysenbug. Im Anfang war die Liebe. München, 1927

10

Перевод с французского:

(Октябрь–ноябрь 1873 г.)<sup>1</sup>

Мой дорогой, любимый Ага.

От всего сердца благодарю тебя за фотографию. Она доставила мне поистине огромное удовольствие. Очень хороша, очень похожа, спасибо, спасибо тысячу раз.

Мальвида в Германии, в Баварии, в Байрейте у Вагнеров. Она, конечно, рада будет получить от тебя весточку – адрес именно этот, другого не нужно. Ты не разволновал бы меня, если бы выразил радость от того, что у меня скоро будет ребенок. Я непременно хочу, чтобы ты меня поздравил. Мы ждем появления этого дорогого маленького существа в декабре месяце – ты можешь себе представить наше счастье. Я очень надеюсь, что по этому случаю Тата приедет к нам в Париж. Я могу тебе сообщить также, что Терезина ждет шестого ребенка. Она не теряет времени.

<sup>1</sup> Письмо датируется по содержанию. Сын Ольги и Г. Моно – Эдуард, впоследствии Моно-Герцен, родился в декабре.

Прощай, мой дорогой Ага. Спасибо, что вспоминаешь иногда свою маленькую Ольгу, которая тебя так нежно любит.

Мои сердечные пожелания Мери и Генри.

Через несколько дней мы будем в Париже – 76, улица Assas.

Мой милый муж посылает тебе тысячу приветов.

## 11.

Перевод с французского:

27 августа 1874 г. Гавр

Дражайший мой Ага,

Меня глубоко огорчает, что ты снова болен. Мне кажется, что женевский климат тебе, действительно, не подходит. Если бы ты приехал в Париж, то мы бы за тобой, по крайней мере, там ухаживали, хотя я не сомневаюсь, что Мери делает это очень хорошо; просто, в Париже ты будешь не так одинок.

Мы в Гавре уже полтора месяца, и это полезно для мальчика, он теперь чудный восьмимесячный ребенок – очень крепкий, здоровый и всегда веселый. Говорят, что он развит не по возрасту. Он очень хорошо говорит “папа”, и, когда его тетушка Та-та была здесь, каждую минуту он говорил: “Тата, Тата”, от чего Тата была вне себя от радости.

Дорогой Ага, ты не подозреваешь, насколько я счастлива, счастлива, прежде всего, оттого, что у меня есть горячо любимый муж, и потом от радости, которую мне доставляет мой дорогой сыночек. Я не могу пожаловаться ни на того, ни на другого и не могу нахвалиться ими. Я тебе говорю обо всем этом, потому что знаю, что ты меня очень любишь.

Мы вернемся в Париж в следующий понедельник и пробудем там до 8 сентября, стало быть ты можешь по-прежнему писать – улица Assas, № 76. Ждем более приятных новостей о твоём здоровье.

Мы будем во Флоренции около 12 сент(ября). Ты можешь себе представить, как не терпится мне увидеть мою добрую Мальвиду и показать ей маленького Эдуарда. Где ты будешь в октябре. Вернувшись из Флоренции, я хотела бы тебя повидать.

Я тебя очень нежно целую. Твоя О л я

Тысяча дружеских приветов от Габриеля и столько же Мери.

Что делает Пан?

Где он?